

В. И. МАЛЫШЕВ

О вкладной записи на лицевом сборнике XVII в. из коллекции Ф. А. Каликина

Среди лицевых рукописных книг Хранилища древнерусских рукописей Пушкинского дома заметно выделяется объемистый сборник XVII в. новгородских агиографических произведений, приобретенный в 1960 г. от Ф. А. Каликина и входящий ныне в его коллекцию под № 35. Замечательная рукопись за короткое время приобрела известность среди ученых, ее рисункам посвящена специальная статья Л. Д. Лихачевой,¹ миниатюры сборника неоднократно воспроизводились в печати.² Сборник этот еще не раз будет привлекать к себе внимание историков древнерусской литературы и искусствоведов своим содержанием и художественным оформлением. Достаточно указать, что в него входят редко встречающаяся «Похвала» чуду новгородской иконы богородицы (победе над суздальцами в 1169 г.), написанная известным думным дьяком И. Т. Грамотинным, единственно известный лицевой список Повести о Михаиле Клопском и другие ценные памятники новгородской литературы.

В настоящей заметке остановимся на одной вкладной записи XVII в. в сборнике, не прокомментированной исследователями, но имеющей определенное значение для выяснения его истории. Эта запись, сделанная размашистой скорописью второй половины XVII в., находится на нижних полях 2—23 листов рукописной книги. К сожалению, она сохранилась не полностью: утрачены части ее текста в начале и середине. В дошедшем виде она читается так: «Лета ... марта в 9 день боярин князь Юрья Михайловича ... ложил сию книгу в церковь пресвятая богородицы Знамени, что на ево дворе».

Кто же это такой — боярин и князь Юрий Михайлович, положивший сборник в свою домовую церковь?

Как видно из боярских книг, во второй половине XVII в. под таким именем и с такими титулами значится только Одоевский Юрий Михайлович, комнатный стольник, приближенный царя Алексея Михайловича.³

¹ Л. Д. Лихачева. Миниатюры-читатели новгородских литературных произведений. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 335—341.

² «Неделя», 1968, № 21, стр. 20; «Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, стр. 416; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, на нижней стороне суперобложки книги; Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома. Буклет. Л., 1971, и в других изданиях.

³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемой должности. М., 1853, стр. 303.

Что вкладчиком этой рукописи был именно он, подтвердят, как увидим ниже, и другие данные. А сейчас скажем несколько слов о владельце.

Ю. М. Одоевский — заметная придворная личность второй половины XVII в., он подвизался на разных поприщах. Однако сведений о нем сохранилось не так уже много. Известно, что с 1660 г. по 1673 г. он был при дворе сначала в чине простого, а с 1668 года комнатного стольника, выполняя одновременно обязанности рынды у саадака и чашника. В 1673 г. он судья Судно-Владимирского приказа, а в марте 1674 г. — посол при заключении Андрусовского перемирия. Был наместником рязанским. 8 июня 1676 г. Ю. М. Одоевский пожалован в бояре. В 1678—1680 гг. он главный воевода в Новгороде, а в 1682 году участник Собора по уничтожению местничества. Три года спустя, 6 декабря 1685 г., он умер и похоронен в родовом склепе в Троице-Сергиевской лавре. Таковы основные, известные, вехи его жизни.⁴

Семья Ю. М. Одоевского, как можно предполагать, отличалась грамотностью, стремилась к знаниям. Два его сына учились в Славяно-греко-латинском училище.⁵ Сам он тоже, надо думать, был достаточно образованным по тому времени человеком, раз ему приходилось исполнять обязанности приближенного царя, выступать в ролях посла, городского наместника, воеводы таких значительных городов, как Новгород, Рязань, для чего необходимы были немалые знания и прежде всего хорошая грамотность. Не исключена возможность, что семья Одоевских имела свою, неплохую по тем условиям, библиотеку, пополняла ее, но она до нас не дошла. Во всяком случае принадлежавший Ю. М. Одоевскому лицевой сборник свидетельствует о хорошем книжном вкусе его бывшего владельца. Сборник этот, как уже отмечалось выше, превосходит и со стороны иллюстраций, и по подбору памятников новгородской письменности.

Следует заметить, что дед Юрия Михайловича, известный государственный деятель XVII в., ближний боярин, Никита Иванович Одоевский, был большой любитель книг, следил за всеми новинками и имел прекрасные образцы печатных и рукописных книг. В 1681 г. он преподнес царю пять ценных рукописей по русской истории, военному искусству и медицине.⁶ Не обходил он, наверное, книжными подарками и своего любимого внука, с которым участвовал в ряде важных «государевых дел».

Вернемся к приписке. В ней, как мы видели, упомянута церковь Знамения богородицы, «что на ево дворе». Существовала ли с таким названием церковь на дворе Одоевских? В печатной литературе ответа на этот вопрос нет. Выяснению его помогло обращение, по совету М. Г. Рабиновича, к архиву покойного историка Москвы, М. И. Александровского, который хранится в Государственном Историческом музее в Москве. М. И. Александровский много лет занимался изучением истории московских церквей, собрал большой материал по этой теме, обследовал разные рукописные материалы московских архивов, в том числе ружные книги церковных сборов.

Действительно, из ружных книг, изученных им, видно, что на дворе Одоевских была церковь под таким именем. Со ссылкой на XVII в.

⁴ Русский биографический словарь. Обезьянинов—Очкин. СПб., 1905, стр. 169; Н. Н. Голицын. Указатель имен, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912, стр. 182—183; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М., 1946, стр. 176, 281.

⁵ История Москвы, т. 1. М., 1952, стр. 615.

⁶ С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, стр. 92, 94, 111—112.

в разделе «домовые церкви» она упомянута в ружных книгах за 1722 и 1727 гг. и показана как находящаяся в Земляном городе Москвы.⁷ Нахождение ее здесь косвенно подтверждается Переписными книгами Москвы 1665—1676 гг., согласно которым дворы этой княжеской ветви Одоевских располагались преимущественно в Земляном городе. А двор деда Юрия Михайловича, Никиты Ивановича Одоевского, находился «в Земляном городе от Смоленской улицы направо по Тверскую».⁸ Где-то здесь, очевидно, поблизости, если не рядом, не под одним забором, стоял и двор его внука, поэтому-то, возможно, и не попавший в Переписные книги отдельно. Тут же, неподалеку, в Земляном городе, жил сын Н. И. Одоевского, Яков: за Тверскими воротами, на стыке Неглинной и Стретенской улиц.⁹

Таким образом, приведенная выше вкладная запись на сборнике № 35 из коллекции Ф. А. Каликина определенно связана с именем Ю. М. Одоевского и сделана если не им самим, то кем-нибудь из его семейных или слуг, в промежутке между 8 июня 1676 г. (время пожалования его в бояре) и 6 декабря 1685 г. (дата его смерти). А когда в XVII в. написан сам сборник? Кстати сказать, этот вопрос по-настоящему еще не ставился исследователями рукописи. Л. Д. Лихачева в названной выше статье по бумаге отнесла ее к началу XVII в. Нижняя граница написания ныне известна — 1685 г. Не поможет ли теперь раскрытие лица вкладчика более точному определению времени создания сборника и обстоятельств, при которых он появился на свет?

Мне кажется, что сейчас, когда стало ясно, о ком идет речь в этой записи XVII в., вполне правомерным может быть предположение об изготовлении сборника для Ю. М. Одоевского в Новгороде, в бытность его местным воеводой в 1678—1680 гг. За это как будто бы говорит и специфическая, новгородская, тематика его, и иллюстрации, похожие по своему исполнению на рисунки в безусловно новгородского происхождения лицевой рукописи того же времени, находящейся в Софийском собрании ГПБ.¹⁰ Добротность письма, неплохое художественное оформление свидетельствуют также о том, что рукопись предназначалась не для обычного заказчика. Что же касается почерка и водяных знаков рукописи, то они не противоречат этому времени, а, наоборот, являются характерными для него.¹¹

Первая часть сборника, содержащая полную службу, повесть, сказание и два похвальных «слова» знамени новгородской иконы богородицы, говорит о том, что он с самого начала предусматривался для употребления в церкви Знамения богородицы. Имея у себя на дворе

⁷ ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 465 (М. И. Александровского), № 8 (выписки из разных ружных книг XVII—XVIII вв.), лл. 55—56, 251 и др. За помощь в знакомстве с материалами архива М. И. Александровского сердечно благодарю С. И. Сакович и М. Г. Рабиновича.

⁸ Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. М., 1886, стлб. 138.

⁹ Переписные книги... стлб. 57.

¹⁰ ГПБ, Софийское собр., № 1430. Почерк этой рукописи также местами сходен с почерком сборника. Не спешным ли отъездом Ю. М. Одоевского из Новгорода объясняется некоторая незавершенность художественного оформления сборника? Не изготовлена ли рукопись дворовым человеком Одоевских «золотописцем» Дмитрием Квачевским, опытным писцом и рисовальщиком, не раз привлекавшимся для подобных работ даже в Оружейную палату. См. в кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, стр. 395, 398, 399, 403, 404.

¹¹ Филягрны рукописи: «шут с пятью бубенцами и буквы МР», «шут с семью бубенцами и буквы НВ, ІД», «двуглавый орел под короной, с рожком посредине» (лл. 272—275). Подобные водяные знаки характерны для рукописей последней четверти XVII в.

такую церковь, Ю. М. Одоевский, воспользовавшись своим пребыванием в Новгороде, где культ этого чуда был широко распространен, заказал изготовить для себя сборник, прославлявший новгородских подвижников и прежде всего близкое ему, по его домово́й церкви, знамение новгородской иконы богоматери.

Итак, оказывается, отрывочная вкладная запись XVII в. на сборнике из коллекции Ф. А. Каликина (№ 35) имеет немаловажное значение для истории этой замечательной рукописи новгородской не только по содержанию, но и, по-видимому, по происхождению.

* * *

Нашедший эту рукопись Федор Антонович Каликин, замечательный собиратель старинных рукописных книг, открывший немало выдающихся памятников древнерусской письменности, умер 23 октября 1971 г., на 95-м году жизни. Как и другие ценные рукописи его коллекции в ИРЛИ, этот сборник будет служить хорошей памятью о его большой и плодотворной собирательской деятельности.¹² Светлой памяти Ф. А. Каликина, с которым автор был знаком около 35 лет, дважды ездил в археографическую экспедицию, посвящается и настоящая скромная заметка.

¹² Коллекция Ф. А. Каликина в ИРЛИ в настоящее время насчитывает 92 рукописи XV—XX вв. См. о ней: Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, стр. 34—38; «Русская литература», 1967, № 1, стр. 196; 1968, № 2, стр. 203; 1971, № 1, стр. 140.